

СЛУШАНИЕ КАК КУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ В РОССИИ

LISTENING AS A CULTURAL VALUE IN RUSSIA

Настоящая статья исходит из положения о связи культуры и слушания, при этом особое внимание уделяется слушанию как неотъемлемой части коммуникации в рамках русской культуры. Природа слушания обсуждается с привлечением дуалистской модели Ю. Лотмана и Б. Успенского, а также идей М. Бахтина, Х.-Г. Гадамера и Э. Левинаса. Особенно подчеркивается этическая природа слушания и его важность для создания более гармоничных коммуникативных отношений.

Ключевые слова: слушание, говорение, культура, коммуникация, ценность.

This article proceeds from the premise on the interconnection between culture and listening, with special attention paid to listening as an integral part of communication within the framework of Russian culture. The nature of listening is discussed using Lotman and Uspensky's dualist model, as well as the ideas of Bakhtin, Gadamer and Levinas. The ethical aspect of listening and its importance for more harmonious communication are emphasized.

Keywords: listening, speaking, culture, communication, value.

За последние десятилетия были проведены многочисленные научные исследования в области слушания в контексте межкультурного общения. Ученые в данной области знания признают большое влияние культуры на наше восприятие и на модели слушания. Например, Э. Волвин и К. Коукли пишут, что «ученые в области коммуникации пришли к пониманию того, что культура является основным фактором всего коммуникативного поведения, включая слушание, потому что культура определяет идентичность человека и то, как этот человек общается, пользуясь некими фильтрами восприятия» [1, с. 125]. Всё чаще и чаще в академических изданиях появляются публикации о связи культуры и слушания [2–5].

Тем не менее, до сих пор отсутствуют фундаментальные исследования по слушанию в русской культуре. В значительной степени это может быть объяснено тем, что слушание редко упоминается как ценность в работах по культуре. Обсуждение культурных ценностей в России,

как правило, имеет несколько умозрительный и метафизический характер; например такие базовые потребности, как ‘еда’ и ‘кров’, редко идентифицируются в качестве основных внутренних ценностей. Вместо них выдвигаются такие понятия, как ‘разговор по душам’, ‘коллективизм’, ‘духовность’, ‘эмоциональность’ и т.д. [6]. Говоря о ‘русскости’, нельзя не упомянуть две наиболее базовые ценности: ‘соборность’ (‘дух общинности’) и ‘державность’ (‘верховная власть государства’), целью которых является осуществление самых высоких, ‘небесных’ идеалов справедливости и братства на Земле. Эти ценности представляются уникальными, присущими только русской культуре и отсутствующими в других культурах. При этом Россия представляется страной особой, отличной от других, а вышеупомянутые ценности в терминах структурной семиотики являются негативными. В то же время, необходимо «создавать в обществе возможность позитивных инноваций, которые могут служить как позитивные ценности» [7, с. 104]. Стоит отметить, что в России уже происходят изменения, ведущие к созданию данных позитивных ценно-

¹ Кандидат филологических наук, доцент кафедры коммуникационных инновационных технологий АНО ВО «Российский новый университет».

стей. В последнее время на первый план выходят такие ценности, как 'согласие с собой', 'микромир', 'семья', 'дружба' [8–9]. Эти списки ценностей, однако, не включают 'слушание', что является странным, поскольку во многих источниках отмечается, что Россия сочетает в себе ценностные системы Европы и Азии, а восточные культуры, как известно, уделяют слушанию большое внимание. Например, руководитель китайской компьютерной компании «Леново» отмечает: «На Западе, как правило, говорят, а потом слушают, а на Востоке слушают, а потом говорят» [10].

Тем не менее, в настоящее время, учитывая многочисленные изменения в российском обществе, представляется особенно важным выяснить, какова роль слушания в России. Многие, наверное, согласятся с тем, что слушание – неотъемлемая часть коммуникации и что овладеть данной формой общения не так легко, как может показаться на первый взгляд, о чем свидетельствуют, например, многие ток-шоу, дебаты, интервью и т.д. на радио и телевидении. Настоящая статья – это попытка сделать вклад в исследование слушания как в плане межкультурного общения, так и кросс-культурных феноменологических исследований.

Знаменитый русский философ Н. Бердяев так определяет сущность русской культуры: «Русский народ есть в высшей степени полярный народ, он есть совмещение противоположностей... Это народ, сочетающий в себе полярно противоположные свойства, и величайшее добро легко переходит в нем в величайшее зло. Это обнаружила русская революция. Это в глубине русского духа открыл Достоевский» [11, с. 8]. Согласно Ю. Лотману и Б. Успенскому, такая дуалистическая модель русской культуры восходит к Средневековью: «Специфической чертой русской культуры исследуемой эпохи в интересующем нас аспекте является ее принципиальная полярность, выражающаяся в дуальной природе ее структуры. Основные культурные ценности (идеологические, политические, религиозные) в системе русского Средневековья располагаются в двухполюсном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны. ... Загробный мир католического западного христианства разделен на три пространства: рай, чистилище, ад. Соответственно, земная жизнь мыслится как допускающая три типа поведения: безусловно грешное, безусловно святое и нейтральное, допускающее загробное спасение после некоторого очистительного испытания. ... Система рус-

ского Средневековья строилась на подчеркнутой дуальности. Если продолжить наш пример, то ей было свойственно членение загробного мира на рай и ад. Промежуточных нейтральных сфер не предусматривалось. Соответственно и в земной жизни поведение могло быть или грешным, или святым» [12, с. 4–5]. Подобное понимание русской культуры находит отражение и в работах современных авторов. Например, А. Вержбицка, анализируя российский дискурс, отмечает полярность и экстремальность оценочных суждений: с одной стороны, 'подлец', 'негодяй', 'мерзавец', а с другой стороны, 'прекрасный человек', 'благородный человек'. В этом она видит продолжение аксиологического дуализма и морального экстремизма в русской культуре [13].

В свете данной дуалистической модели существуют два противоположных мнения и о природе слушания в русской культуре. С одной стороны, русская культура видится как очень тихая, целомудренная, не желающая говорить о своем высоком предназначении; с другой стороны, эта же культура представляется слишком разговорчивой и поверхностной, где действия часто заменяются словами [14]. Более правомерно, однако, говорить не о противоречии, а о дополняемости этих двух мнений, так же как и о сосуществовании болтливости и скрытности, поверхностности и глубины в самом русском характере. Исторически в России всегда присутствовали рядом друг с другом разговорчивость интеллигенции и молчаливость народных масс. Культура как бы разделяется на две половины: тех, кто говорит, и тех, кто молчит. Молчание, однако, нельзя отождествлять со слушанием: молчать – не значит 'слушать' и тем более 'слышать'. В связи с этим можно привести пример тоталитарного голоса советских правителей, которые транслировались всеми средствами массовой информации; но кто всё это слушал? По мнению Х.-Г. Гадамера, «тот, к кому обращаются, должен слушать, хочет он этого или нет». Он не может не слушать, «слушать в сторону», подобно тому, как мы не смотрим на кого-либо, «смотрим в сторону», меняя направление взгляда» [15, с. 274]. Русский народ на протяжении многих лет опровергал это мнение, 'слушая в сторону'.

Можно заметить, что говорящие находятся в положении того самого бахтинского 'Я', создающего в процессе восприятия Другого, подобно тому, как автор произведения создает своих героев [16]. В этом плане русская интеллигенция, как автор создает своего героя (народ), который, как она надеется, ее слушает и слушается. Хотя если мы посмотрим на значение 'слушаться', то

увидим, что это слово означает ‘слушать себя’. Иначе говоря, может, тот, кто говорит, должен лучше слушать себя; тогда, может быть, его лучше услышат другие?

Подобная этимологическая связь между слушанием и послушанием существует во многих языках; например, в английском языке ‘to obey’, ‘obedience’ восходят к французскому *obéir*, которое, в свою очередь, восходит к латинскому *ob-audire*, производного от *audire* (‘слушать’). Немецкое слово ‘gehörchen’ (слушаться) относится к ‘Gehorsam’ (послушание). Во многих славянских языках ‘слушати’ может обозначать как ‘слушать’, так и ‘повиноваться’ [17, с. 75–76]. Такое понимание слушания ближе к феноменологическим идеям Э. Левинаса, который, как и М. Бахтин, идентифицирует Другого со сферой ‘Я’, но переводит акцент с бахтинского ‘Я-для-Себя’ на ‘Я-для-Другого’. Как писал Э. Левинас, есть что-то более важное, чем собственная жизнь, и это жизнь Другого [18]. Именно Другому подчиняется Я, и именно перед Другим Я держит ответ. Эта ответственность перед Другим носит оттенок пассивности; в этой субординации Себя Другому Э. Левинас близок идеям христианства, а также философии Ф. Достоевского. Для Э. Левинаса мысль Ф. Достоевского, что «каждый единый из нас виновен за всех и за вся на земле» («Братья Карамазовы»), означает, что Я всегда несет большую ответственность, чем Другой, и в первую очередь эта ответственность проявляется в процессе слушания. Именно в процессе слушания создается место внутри Я для принятия Другого и для ответственности перед Другим и за Другого. Здесь, согласно Э. Левинасу, и находятся корни этики и морали. В этом свете, если дуализм русской культуры связывают с противопоставлением ада и рая, то необходимо еще ‘чистилище’ как место, где люди очищаются не только путем говорения (‘облегчения души’), но и слушания, которое требует не меньших душевных сил.

Таким образом, слушание должно стать одной из основных ценностей русской культуры; для этого существует плодородная экзистенциальная почва, что отражено уже в самом языке. Глаголы ‘слушать’ и ‘услышать’ имеют один и тот же корень; семантическое различие между ними осуществляется через вид, т.е. ‘слышать’ – совершенный вид, тогда как ‘слушать’ – несовершенный вид. Иными словами, в первом случае действие успешно завершено, а во втором – представляет собой постоянный процесс. То есть, слушать необходимо всегда: только так можно услышать Другого. Кроме того, глагол

‘слушать’ имеет широкий феноменологический спектр значений, таких, как ‘видеть’, ‘чувствовать’, ‘быть’, ‘нюхать’ [19, с. 864–865]. Это можно проиллюстрировать примерами из русской поэзии. Например ‘слушать’ = ‘нюхать’: *В живом дыханьи красоты Всё будешь слышать запах тленья* (Б. Садовский). Или ‘слушать’ = ‘чувствовать’: *Давайте жить не по часам, а по листьям: слушать весну, когда они зеленеют* (Чиннов И.); *Слушать нежность, и ярость, и юность, и старость* (Б. Пастернак). Или ‘слушать’ = ‘быть’: *Чтоб слушать себя хоть вешалкой, где лермонтовский сюртук* (И. Сельвинский).

В заключение хочется еще раз отметить первостепенную важность слушания как ценности в русской культуре. Роли слушания необходимо уделять больше внимания как в процессе ежедневного общения, так и в рамках различных научных дисциплин гуманитарной направленности.

Литература

1. Wolvin, Andrew D. and Carolyn G. Coakley. Listening. – 5th ed. – Madison, WI : Brown and Benchmark Publishers, 1996.
2. Beall, Melissa L. Perspective on intercultural listening // Listening and Human Communication in the 21st Century / edited by Andrew D. Wolvin, Malden, MA : Blackwell Publishing Ltd., 2010. – Pp. 225–238.
3. Brownell, Judi. Listening: attitudes, principles, and skills. – Boston : Allyn and Bacon, 2006.
4. Hall, Edward T. Beyond culture. – Garden City, N.Y. : Anchor Press, 1976.
5. Purdy, M.W. Listening, culture and structure of consciousness: ways of studying listening // International Journal of Listening. – 2000. – No 4. – Pp. 47–68.
6. Bergelson, Mira, Porter, Richard E., and McDaniel, Edwin R. Russian cultural values and communication styles // Intercultural communication: a reader. – 13th ed. – Boston, Mass. : Wadsworth Cengage Learning, 2012. – Pp. 189–198.
7. Akhiezer, Aleksandr. The values of society and the possibilities of reform // Russian Social Science Review 37. – 1996. – No. 1. – Pp. 107–125.
8. Tikhonova, Natalia. Social values and the political process in Russia // Russian Social Science Review 38. – 1997. – No. 5. – Pp. 31–51.
9. Boykov, Victor. Values and orientations in Russian public consciousness // Russian Social Science Review 36. – 2005. – No. 1. – Pp. 50–57.

10. Newman, Rick. *Lenovo's Great Leap*. – U.S. News. – 2007. – October 5. – <http://money.usnews.com/money/business-economy/articles/2007/10/05/the-chinese-ibm-computer-merger-shows-signs-of-success>
11. Бердяев Н. *Русская идея*. – Харьков : Фолио; М. : АСТ, 1999.
12. Лотман Ю., Успенский Б. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // *Труды по русской и славянской филологии: литературоведение*. – Тарту, 1977. – С. 3–36.
13. Wierzbicka, Anna. *Semantics, culture, and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. – Oxford : Oxford University Press, 1992.
14. Эпштейн М. *Слово и молчание*. – М. : Высшая школа, 2006.
15. Gadamer, Hans. *Truth and method*. – 2nd rev. ed. – New York : Continuum, 2003.
16. Бахтин М. *Эстетика словесного творчества*. – М. : Искусство, 1979.
17. Dolar, Mladen. *A voice and nothing more*. – Cambridge, Mass. : MIT Press, 2006.
18. Lévinas, Emmanuel. *Nine Talmudic readings*. – Bloomington : Indiana University Press, 1994.
19. *Новый большой русско-английский словарь / под общ. рук. проф. Д.И. Ермоловича*. – 1-е изд. – М. : Русский язык – Медиа, 2004.